

формальную реальность (блогер, рок-музыкант, писатель участвуют в реальной политике);

технизации социальной активности субъектов (общение, получение образования, секс и др. стали «делом техники»). Радикальный сценарий смены власти может стать «делом техники» у такого поколения.

Безусловно, динамичное развитие виртуальной среды, отчасти воспроизводящей качества реальной социализации, приводит к формированию новых рисков, ярко проявляющихся как в количественном, так и в качественном выражении. Открываются новые способы и формы социальной консолидации, которые должны учитываться и обществом, и государством.

Статья выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педа-

гогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (ГК № 02.740.11.0592).

Примечания

- 1 См.: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С. 9–146.
- 2 См.: Beck U. Risk Society. Toward a New Modernity. L., 1992. P. 2.
- 3 См.: Ярцев Д. В. Особенности социализации современного подростка // Вопр. психологии. 1999. № 6. С. 54.
- 4 См.: Войскунский А. Е. Феномен зависимости от Интернета // Гуманитарные исследования в Интернете. М., 2007. С. 11–40.
- 5 См.: Карпухин О. И. Молодежь России : особенности социализации и самоопределения // Социс. 2000. № 3. С. 127.

УДК 316.346.32 – 053.81 (100)

ФЕНОМЕН ДЕСТРУКТИВНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ: ЦЕННОСТНО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

А. В. Иванов

Саратовский государственный университет
E-mail: ivanovaw@info.sgu.ru

Автором проводится анализ феномена молодежной девиантности. В статье рассматриваются основные подходы в объяснении отклоняющегося поведения индивида; приводятся результаты анализа, отражающие взаимосвязь девиантного поведения молодежи и основных тенденций во всех сферах общественной жизни.

Ключевые слова: делинкветное поведение, теории девиантного поведения, молодежь, криминальная субкультура, делинкветная социализация, паттерны криминального поведения.

The Phenomenon of Destructive Socialization: Values and Axiological Bases

A. V. Ivanov

The author carries out the analysis of a phenomenon on youth deviation. It's examined the main approaches to explain the deviant behavior of person. The author refers to the results of the analysis, which are indicating correlation of the deviant youth behavior and major tendencies in all spheres of public life.

Key words: delinquent behavior, theories of deviant behavior, youth, criminal subculture, delinquent socialization, patterns of criminal behavior.

Деструктивная социализация – это объективный феномен, возникающий в обществе постсовременного типа, в котором состояние неустойчивости и риска становится основным

фактором формирования идентичности современной молодежи, и продуцируемый им. Отметим, что деструктивная социализация рассматривается нами шире, чем такое ее проявление как девиантность. Несмотря на наличие огромного эмпирического материала в области прикладных исследований разнообразных проявлений человеческой деструктивности, ключевой проблемой современной науки по-прежнему остается отсутствие общепринятых методологических принципов и критериев в понимании девиантности. Классические исследования зарубежных социологов (Э. Дюркгейма, Р. Мертона, Т. Парсонса, А. Коэна, В. Миллера, Т. Селлина и др.) позволили определить девиантное поведение на макросоциальном уровне, а само поведение концептуализировать как «императивы» социума. Согласно функционалистской трактовке существование деструктивного поведения определяется противоречием между требованиями нормативной системы и интересами действующих субъектов и зависит от степени социального неравенства и объективного «разрыва» в возможностях удовлетворения потребностей для разных социальных групп¹. Многие зарубежные социологи подчеркивали важность корреляции девиации и делинкветности с маргинальностью. В определении Э. Стоунквиста очевидна содержательная близость «маргиналь-

ного человека» и дюркгеймовских характеристик «аномичных индивидов»². В обоих случаях имеет место разрыв социальных связей и, как следствие, ценностно-нормативный вакуум, порождающий деструктивное поведение.

Необходимо заметить, что сложившиеся традиционные девиантологические подходы обнаруживают ограниченность в объяснении дисфункциональности процессов социализации и социального контроля в силу присущих им одномерности, релятивизма и редукционизма. Редукционизм проявляет себя там, где в поле зрения ученого попадает не собственно проблема девиантности, а одна из проекций этой проблемы, например «адаптация/дезадаптация» или «соответствие/несоответствие» распространенным в данный момент нормативным образцам. Релятивизм проявляет себя как отказ от ценностных суждений, что ограничивает возможность создания концептуальных обобщений относительно патологичности тех или иных социальных процессов. Согласно принципу релятивизма девиантность социально релятивна и никакое поведение само по себе девиантным не является, но становится таковым при отклонении от социально признанных стандартов³.

Методологический релятивизм характерен не только для конструктивистских теорий, в которых девиантность интерпретируется как относительная исторически заданная конструкция, которая почти полностью создается изменчивыми институтами социального контроля. Данная установка лежит в основании целого ряда социологических объективистских теорий⁴. Если следовать предлагаемой теоретической модели, любой тип поведения, который соответствует представлениям, принятым в данном обществе, является нормальным явлением. Следовательно, любое деструктивное поведение вполне может быть социально одобряемой моделью поведения. Таким образом, в предложенных исследовательских программах деструктивная модель поведения как бы оказывается вне поля сущностного понимания, поскольку в них изначально отсутствует адекватный инструментарий для сравнительного анализа нормативного содержания деятельности институтов социализации и социального контроля в различных культурах. К тому же эти концепции не предполагают обобщенного понимания нормы, так как в их рамках исследуется лишь один из аспектов деструктивной социализации, а именно содержание и эмпирические последствия деятельности агентов социального контроля, но при этом упускается из виду вопрос о ценностных и онтологических критериях, на основании которых агенты социального контроля оценивают феномен девиантности в качестве нормального или аномального явления. Тематизировать эти критерии через призму социологического релятивизма означает упускать из виду ряд

существенных особенностей ценностно-нормативного дискурса. Такие виды поведения, как насилие, кража, коррупция, осуждаются всегда, и тот факт, что определенные категории людей имеют больше шансов избежать наказания за них, говорит только о дисфункции системы социального контроля, но не о релятивности нормативных критериев оценки девиантности. В этом отношении обращение к ценностно-аксиологическому подходу является необходимым и оправданным.

Ценности и идеалы – отвергаем мы их или нет – задают тенденции поведения и мышления людей. Если предположить, что они имеют хотя бы элементы содержательной универсальности, поддающейся эмпирической тематизации и аксиологической оценке, то девиантологическая теория вынуждена использовать ценностные суждения в целях более адекватного описания действительности. Какова же природа моральной и вообще нормативной реальности? Взгляды теоретиков морали в области социологии в этом вопросе расходятся. Классическая позиция по данному вопросу принадлежит Э. Дюркгейму и К. Ясперсу. Э. Дюркгейм, подчеркивая принудительный по отношению к индивидуальному сознанию характер морального дискурса, полагает онтологию моральной не самостоятельной, но производной от онтологии социального. Природа общества требует определенной общей конвенции и следования нормам, упорядочивающим и ограничивающим индивидуальный гедонизм. Однако сами нормы могут изменяться по мере трансформации конкретного общества⁵. К. Ясперс, в отличие от Э. Дюркгейма, видит в моральных нормах и ценностях собственное объективное бытие идеальных форм, которые, будучи трансцендентными эмпирическому бытию личности в обществе, структурируют и упорядочивают его. Напряжение между идеалом и наличным бытием создает возможность духовного роста личности. Отказ от идеала неизбежно влечет за собой деградацию как личности, так и социальных институтов, формальный контроль которых не в состоянии заменить внутренней организующей силы идеала.

Как нам представляется, последний подход является более убедительным именно с методологической точки зрения, поскольку с его помощью можно не только осуществить функциональный анализ девиантогенности социума, но и выявить онтологические основания данного феномена. Согласно ценностно-аксиологическому подходу нормативная реальность обладает собственной онтологией, внешней по отношению к конкретно-эмпирическим фактам социальной жизни и высшей по отношению к обыденным потребностям и мотивам людей ценностью. Ценностная реальность, будучи самостоятельной по отношению к эмпирическому уровню бытия, корреспондентна бытию социаль-

ных структур. Социальные нормы определяют фундаментальные основы социального взаимодействия, однако имеют черты, скорее, конструктивно-интенциональной, нежели содержательной универсальности. Тезис об отсутствии содержательных нормативных универсалий опирается на то обстоятельство, что, говоря о девиантности и ее разновидностях, исследователи, как правило, концентрируют внимание на сфере поступков, из которых складывается собственно поведение. Причины и мотивы индивидуальных поступков выглядят вполне субъективными. Когда поведение рассматривается через призму индивидуальных различий, то мысль о том, что нормы – просто конвенции, с которыми одни люди соглашаются, а другие нет, выглядит вполне убедительной. По крайней мере, можно признать этот взгляд правдоподобным в отношении поступков, не связанных с причинением явного вреда окружающим. Это видение девиантности опирается на генерализацию установок либерального индивидуализма на всю сферу человеческого поведения и признает свободу действия в строго установленных рамках.

Однако если рассматривать поведение и поступки через призму категории деятельности и шире – практики, то многое предстает в ином свете. Существование общества требует включения отдельных индивидов в разнообразие социально значимые виды деятельности. Вне этой организованной совместной деятельности выживание как каждого индивида, так и сообщества в целом ставится под угрозу. Чтобы эта социально значимая деятельность стала возможной вне зависимости от ее конкретного содержания, необходимо транслировать отдельным индивидам определенные стандарты, или принципы поведения. Принципиальным здесь является то, что эти правила и стандарты требуют, чтобы индивиды демонстрировали устойчивые закономерности в своих поступках или поведении. Причем эти закономерности должны служить достижению взаимопонимания, согласия и взаимной честности, иначе совместная деятельность станет невозможной. Соответственно, общество нуждается в определенных личностных качествах индивидов, обеспечивающих закономерность, повторяемость требуемых обществу видов поведения.

Рассматривая поведение через призму категории социально значимых ценностей, можно указать на нормативные константы поведения, имеющие универсально-ценностную природу, обеспечивающие социальную жизнеспособность и функциональность практик. К ним относятся: необходимость ориентации участников социально значимых практик на добродетели справедливости, храбрости и честности, вне которых существование практик невозможно (А. Маккинтайр, Дж. Ролз); культурная значимость, авторитетность идеациональных цен-

ностей сверхчувственного типа, позволяющих участникам практик действовать в ситуации служения долгу, «оживляя» практики жизненной энергией индивидов (П. А. Сорокин); ориентация на поиск и обретение смысла жизни через самотрансцендирование и реализацию какого-либо сверхличностного проекта – веры, долга, служения (В. Франкл).

Без ориентации социальных акторов на эти нормативно-ценностные константы практики утрачивают свою значимость, что приводит к масштабной институциональной дисфункции процессов социального контроля и социализации. Здесь именно ценности определяют социальную онтологию девиантных процессов, важнейшим из которых является господствующий тип культуры конкретного социума. На онтологическом уровне процесс девиации детерминирован типом социальности конкретного общества и механизмом регуляции социальных отношений между представителями различных социальных групп. Ценностно-институциональный механизм девиации не только отражает характер взаимоотношений общества и человека, формы соотношения общества, личности и социальных общностей, но и ориентирует их взаимодействие в определенном русле на основе приоритетных ценностей данного общества. В нём обнаруживается широкая вариация механизмов девиации с преобладанием того или иного типа.

Главными особенностями девиантных процессов на современном этапе общественно-исторического развития являются трансформация основных институтов социализации, деформация ценностно-нормативного механизма социальной регуляции и становление новой системы социального контроля, дисбаланс организованных и стихийных процессов социализации в сторону стихийности, изменение соотношения общественных и личных интересов – большая атомизация личности. В этих условиях осуществляется переход к вариативной, полифункциональной модели социокультурного устройства общества, порождающей состояние недетерминированности, социальной неопределенности и риска⁶. Результатом этого является размывание представлений о дозволенном и недозволенном в индивидуальном и массовом сознании. Исчезает общий нормативный эталон, что неизбежно деформирует процессы социализации и социального контроля. Человек теряет критерии для различения позитивного и негативного, нормы и отклонения. Воспитанный в ключе новой идеологии, он стремится к максимизации комфорта и отказывается от ценностных суждений. Таким образом, распространение ценностей массовой культуры в условиях глобализации приводит к устойчивой дисфункции механизмов социализации, ведущей к деформации важнейших социальных институтов семьи, общественной морали и об-

разования, которые утрачивают нормирующую и социализирующую функции.

Одним из главных последствий воздействия массовой потребительской культуры на механизмы социализации и социального контроля является возникновение особого социально-антропологического типа – «человека-потребителя»⁷. В результате мы видим устойчивую денормативность массового и индивидуального сознания, рост девиантных процессов в различных сферах социального бытия, которые непосредственным образом влияют на становление разных форм отклоняющейся социализации молодежи, в том числе деструктивной. В этих условиях первичными агентами деструктивной социализации молодых людей, провоцирующими их на предкриминальное поведение, совершение девиации, становятся амбивалентные поступки родителей, упадок семьи и смена культуры патриархального господства в семье на либеральную культуру, общее социальное неблагополучие. Поэтому неуспешная социализация несовершеннолетних способна при неблагоприятном фоне привести к вступлению в молодежную делинквентную группу или стать стимулом для деструктивного поведения, которое при криминальной и отчужденной социальной среде оборачивается делинквенцией. Испытывая сильное противоречивое воздействие аномично-отчужденного фона социума, в котором ярко обозначены символы успеха и средства для его достижения, амбивалентность статуса и сознания родителей, квазиуспехи криминальных элементов, которые «добывают» деньги, не обладая особым интеллектом и образованием, молодые люди создают основу для деструктивной социализации. В связи с этим совершение преступления становится экзистенциальным актом отказа от традиционных ценностей и норм общества.

Другим фактором, который может оказывать воздействие на деструктивную социализацию и предкриминальное поведение молодежи, является криминальная среда и криминальная субкультура. Именно она формирует идеологию с широким набором «моральных», эстетических и даже философских идей и ценностей, не только оправдывающих преступность, но составляющих базу для субкультуры этой среды. Такая субкультура является не только контркультурой по отношению к элитарной и культуре средних групп, она находится в противоречии с господствующей в обществе системой ценностей и обществом как таковым. Вступая в маргинальное сообщество, человек испытывает на себе воздействие субкультуры и постепенно отчуждается от социальных запретов, полученных в процессе социализации. Нарушение этих запретов является одной из норм субкультуры. Впоследствии асоциальная субкультура формирует его в соответствии с действующими и принятыми в криминальном

сообществе нормами. По мнению Э. Лемерта и его последователей, наиболее негативное воздействие на криминализацию индивида оказывает пребывание в условиях изоляции от общества. Человек, совершивший преступление и понесший за это кару, сразу оказывается в худшем социальном положении. Исследования интеракционистов показали, что воздействие судебной системы и карательного аппарата на преступность одновременно негативно влияет и на человека, совершившего девиацию, а его последующая стигматизация оборачивается криминальной социализацией и приносит раскол в общество, разделяя его на преступников и непроступников, озлобляя одних и отчуждая других. Концепция стигмы раскрыла, что общественная реакция и клеймение человека «преступником» разрушительно действуют на того, кто совершил преступление, и не только сужают его позитивное пространство, но и гораздо быстрее способствуют деструктивной социализации. Именно в условиях постоянного порицания молодой человек наиболее активно усваивает элементы делинквентной субкультуры и общается к криминальному миру, воспринимая аналогичные способы бытия и обретая негативные способы самоутверждения. Таким образом, деструктивная социализация – это своего рода репрессивная социализация, возникающая как результат отчуждения человека от общества, переживающего социальную аномию и социальную дезорганизацию. А социально негативным проявлением такой дезорганизации общества становится делинквентное деструктивное поведение индивидов.

Находясь в группе, молодые люди отгораживаются от враждебно настроенного по отношению к ним мира взрослых. Они создают свои нормы и правила поведения, которые имеют значимость только для членов делинквентной группы и распространяются только внутри нее. В таком случае группа предстает как «мы», а все другие социальные группы и сам социум – как «чужие», а то, что морально приемлемо для «своих» и обязательно для исполнения, гибко и морально-релятивно, инструментально в мире «чужих», «не своих». Усвоение правил и приемов нейтрализации моральных ценностей происходит в делинквентной группе, где заповедь «не кради» морально оправдана для своих внутри группы и гибко переинтерпретируется в условиях действия с «чужими» в разрешительной и обязательной к исполнению форме. Система перекодирования и ее направленность в отношении «своих» и «чужих» усваиваются внутри делинквентной группы, для которой истинный мир и безусловная шкала ценностей – это «семья», а мир социума – это мир, где все условно, релятивно. Таким образом, асоциальная субкультура является объективным и закономерным явлением деструктивной соци-

ализации, которая направлена на интеграцию группы посредством деперсонализации личности. Все, кто входит в делинквентную группу, по сути, перестают объективно оценивать себя и других, а ценность другого человека и его жизни все более понижается в глазах деперсонализированного индивида. Людям присваивают клички, главное назначение которых, как отметил Э. Фромм, состоит в том, чтобы затруднить видение в другом человека. Многие элементы делинквентной субкультуры не только деперсонализируют личность, но и способствуют господству в обществе принципа «вещизма». Страсть к богатству, накопительству, трансформируясь во враждебность к окружающим людям, переходит в стремление властвовать над другими. Неслучайно и то, что среди молодых деликтов наблюдается стремление к стяжательству, продуцируется комплекс деструктивных наклонностей и ценностных установок – жадность, зависть, эгоизм, жестокость, лживость, мстительность, нарциссизм.

Подобная шкала ценностей определяет особенности социального механизма стратификации в делинквентной группе. В данных сообществах действуют те же социальные и социально-психологические механизмы, что и в любой человеческой общности: стратификация, лидерство, нормообразование, подражание. Специфичность же результатов действия этих механизмов обуславливается социальной средой, искусственным и принудительным характером формирования общности, пропагандой антиценностей в качестве ее нормативного базиса. Можно выделить несколько характерных особенностей социальной структуры сообщества делинквентов.

Отношение к человеку и его оценка определяются не его личностными качествами, а социальной ролью, статусом в группе. И если представители «элиты» еще воспринимаются «массами» как личности, то характеристика индивидов, образующих «массу», полностью исчерпывается их статусом. Тем самым она исключается из сферы действия механизмов, блокирующих внутригрупповую агрессию.

Противопоставление сообщества делинквентов всему обществу происходит по линии разлома основных моральных ценностей, что не только повышает ценность «мы», но и формирует враждебный образ – «они».

При формально провозглашенном равенстве налицо фактические неоднородность и неравенство: привилегированное меньшинство, представляя себя выразителем и защитником интересов всего сообщества, старается свои интересы и цели выдавать за общие, создавая не только искусственную внешнюю угрозу, но и образ внутреннего врага в лице аутсайдеров группы.

Полное подчинение личностных интересов групповым, укрепление сообщества не путем соблюдения прав его членов, а делегированием этих прав всему сообществу. Тем самым устанавливаются тотальный контроль за распределением и потреблением материальных благ, жесткая централизация и субординация.

Статья выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (ГК № 02.740.11.0592).

Примечания

- 1 См.: Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступления. М., 1991. С. 39–65.
- 2 См.: Stonequist E. V. The marginal man // A studio in personality a culture conflict. N.Y., 1961. P. 140–141.
- 3 См.: Curra J. The Relativity of Deviance. New Delhi, 2000. P. 70.
- 4 См.: Гилинский Я. И. Социология девиантности (новеллы и перспективы) // Социс. 2009. № 8. С. 71.
- 5 См.: Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 550–560.
- 6 См.: Устьянцев В. Б. Антропология риска : концептуальные основания // Общество риска и человек : онтологический и ценностный аспекты. Саратов, 2006. С. 224.
- 7 См.: Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. М., 2008. 269 с.